

Глава 23. История Ли Сяохун

В мгновение ока у раскидистого кривого дерева не осталось никого, кроме Цзун Ванчуаня и застывшего под белым саваном тела Ли Сяохун.

«А в этой деревушке секретов побольше, чем кажется на первый взгляд», — пронеслось в голове у детектива.

Пользуясь тем, что вокруг ни души, Ванчуань наклонился и приподнял край простыни. Ему нужно было осмотреть покойную — понять, что толкнуло молодую девушку на столь отчаянный и бесповоротный шаг.

— Ого... А это ещё что такое?

Едва белая ткань соскользнула в сторону, как внимание Цзун Ванчуаня приковало алое пятно на внутренней стороне левого запястья девушки. Он осторожно взял холодную руку Ли Сяохун, изучая рисунок.

Кроваво-красный знак диаметром всего в три сантиметра: идеальный круг, в который был вписан треугольник. Края линий казались рваными, но детектив знал: если взглянуть через увеличительное стекло, станет ясно — этот узор сплетён из тысяч микроскопических демонических символов, каждый размером не больше десятой доли миллиметра.

Призывная печать Бездны.

Но эта метка в корне отличалась от тех, что он видел раньше. Обычно после заключения Призывного контракта демон не забирает душу мгновенно — он ждёт, пока условия сделки будут выполнены. Знак же на руке Ли Сяохун означал иную, куда более страшную форму договора.

Стоило контракту активироваться, как призыватель должен был немедленно покончить с собой. Его душа мгновенно трансформировалась в свирепого призрака, наделённого дьявольской мощью. Срок действия — три дня и четыре ночи. На рассвете пятого дня, вне зависимости от того, достигнута цель или нет, душа контрактника рассыпалась в прах. Без права на перерождение. Без шанса войти в круг сансары. Вечное небытие.

«Что же ты пережила, девочка, раз решилась на такое?» — Ванчуань нахмурился.

Ему не раз доводилось сталкиваться с «должниками», которые после исполнения желаний пытались увильнуть от оплаты, пока их не настигала кара. Но чтобы кто-то добровольно принёс себя в жертву ещё до того, как дело сдвинулось с мёртвой точки... Такое он видел впервые.

Ясно было одно: ненависть Ли Сяохун была абсолютной. Настолько непоколебимой, что она

даже не захотела вверять месть рукам демона, пожелав совершить её лично — пусть и в обличье монстра.

«Погоди-ка... Почему я подумал „месть им“? Не ему, не ей, а именно — им?»

Смутная догадка кольнула разум, и Ванчуань не решился её отбросить. Подобные вспышки озарения обычно были связаны с его даром предвидения, который с самого рождения пребывал то в спячке, то в глубоком нокдауне.

«Если убийца — это некий „коллектив“, мне определённо стоит здесь покопаться».

Ванчуань машинально достал сигарету, собираясь закурить.

«Хотя... Стоп. Местные меня не нанимали, денег не предлагали. С чего это я вдруг решил лезть в это болото по собственной воле?»

Тяжело вздохнув, он убрал сигарету и продолжил обход, надеясь отыскать хоть какие-то зацепки, оставленные пропавшими волонтерами.

Обойдя деревню Ли по кругу, Цзун Ванчуань пришёл к лаконичному выводу: здесь было бедно. Гнетуще бедно. Куда ни глянь — горы; откроешь заднюю дверь — снова горы.

Но утверждение, будто здешние условия невыносимы даже для выдавших виды добровольцев, казалось сомнительным. По сравнению с «зоной смерти» на Тибетском нагорье, эти места могли бы сойти за райский уголок: изумрудные склоны, чистые ручьи, ковры из полевых цветов и беззаботное щебетание птиц.

Какая же сила заставила волонтеров бесследно исчезнуть один за другим? И какая чёрная злоба заставила юную девушку превратить себя в демоническое отродье? Что за тайны скрываются за колючей изгородью местного гостеприимства?

Цзун Ванчуань, окончательно раздосадованный, всё же закурил. Прислонившись к телеге, гружённой сеном, он медленно выпускал кольца дыма, но ответы не спешили приходить. Загадки лишь громоздились друг на друга, словно тучи перед грозой.

Пам! Пам! Пам!

Со стороны въезда в деревню донеслись хлопки петард — верный признак похорон. Вслед за ними слышались заунывные стоны. Звук приближался стремительно; не прошло и десяти минут, как процессия показалась в поле зрения.

Ванчуань, не желая, чтобы его застукали за курением у сеновала, быстро затушил окурок. Возглавлял шествие Старейшина Ли, отец покойной. Его лицо, как и лица остальных, искажала не скорбь, а какая-то яростная, кипящая злоба.

«Она не пролежала мёртвой и полдня, а они уже тащат её в землю? — детектив прищурился. — Либо они феноменально бесчувственны, либо здесь замешано нечто из ряда вон выходящее».

Когда процессия поравнялась с ним, Ванчуань осторожно придержал за локоть одну из замыкающих — женщину средних лет с довольно открытым лицом.

— Хозяюшка, не подскажите, что происходит? — вкрадчиво спросил он.

Женщина явно была недовольна тем, что её выдернули из строя, и уже собиралась огрызнуться, но, взглянув на Ванчуаня, осеклась. Его красота подействовала мгновенно: всё раздражение улетучилось, сменившись кокетливым любопытством.

— Ой, а ты тот приезжий, что у вдовы Цай остановился? — она расплылась в улыбке. — Надо же, какой пригожий. Слово из телевизора вылез.

— Что вы, сестрица, — Ванчуань мягко улыбнулся, мастерски используя своё лицо как универсальный ключ к информации. — Вы и сама выглядите так, будто и не рожали вовсе.

От такого грубого, но действенного комплимента женщина окончательно растаяла. Видя, что процессия уже ушла вперёд, она решила остаться и выложить этому «красавчику» всю подноготную семьи Ли.

—... Отец этой Сяохун — Старейшина Ли, из западной части деревни. У него три рта: две девки да сын. Старшую Ли Сяоань зовут. Ну, та ещё потаскуха, скажу я тебе. В пятнадцать лет охмурила сынка старосты и укатила в город. Сказала — официанткой будет, а сама... ну, сам понимаешь, каким ремеслом такие деньжищи зашибают. Не прошло и трёх лет, как Старейшина Ли свою халупу в добротную усадьбу перестроил. Мы же не дураки, парень. Сяоань — девка неграмотная, вполовину слепая. Чем она ещё могла столько заработать, если не тем, что мужиков ублажала?

Женщина смачно плюнула на землю.

— Сестрица, в больших городах есть работа, где и грамота не нужна, а платят прилично. Не обязательно сразу о плохом думать... — Ванчуань отвечал дежурными фразами, а перед его глазами всплыл образ Ли Сяоань, которую он мельком видел в толпе. Её наряд был вызывающе ярким для деревни, но лицо казалось измождённым, а от самого тела исходил едва уловимый, гнилостный запах — запах того, чьи дни сочтены.

Женщина, не заметив его состояния, продолжала:

— Так вот, про Сяохун... Старик Ли планировал, как ей пятнадцать исполнится, отправить её к сестре. Мечтал денег поднакопить, купить квартиру в посёлке, чтобы старшему, Ли Дабао, жену приличную справить. Да только не успела девка чемоданы собрать, как этот Ли Дабао вляпался. Застукали его в кукурузном поле с невесткой Хромого Хуана из соседней деревни. Хромой Хуан — мужик суровый, такое бесчестье терпеть не стал. Хотел обоих на месте забить. Старейшина Ли, как прознал, что единственного наследника убивать ведут, притащил жену с дочкой, на колени пал: «Пощади!»

Ванчуань слушал, и внутри у него начинало холодеть.

— Хуаны посмотрели на Сяохун — а она девка ладная, кровь с молоком, да ещё и чистая. Ну и выкатили условие: либо Старейшина Ли признаёт вину и отдаёт дочку им в «младшие сестрёнки», либо платит сто тысяч юаней выкупа за ту шалаву, с которой Ли Дабао кувырчался. Откуда у Старейшины Ли такие деньги? А если бы и были — он бы их сыну на свадьбу приберёг. Вот он и выбрал: отдал дочку Хуанам.

Слово «сестрёнка» заставило Ванчуаня вздрогнуть.

— Пойдите... Пятнадцать лет? Но это же преступление!

Женщина хитро усмехнулась:

— В расписке-то сказано — «в сестрёнки». Про остальное — ни слова. У Хромого Хуана расчёт был верный. Три года продержат её в доме, а как восемнадцать стукнет — если будет тихой да послушной, в ЗАГС отведут. А если нет... отправят в город к старшей сестрице, на панель.

— Это же...

Ванчуань понимал, что в таких глухих углах закон — понятие призрачное, но от рассказа женщины его едва не стошнило. Сама же она, давно очерстевшая, не видела в судьбе Сяохун ничего предосудительного.

— Тебе плохо, красавчик? — заботливо спросила она, заметив, как он побледнел.

— Да так... Вода местная не пошла. Так что было дальше?

— Да что там могло быть? Стала «сестрёнкой» для всех мужиков в доме Хуанов, — тётка сделала недвусмысленный жест. — Но девка упрямая оказалась. Другие бы смирились, судьбу свою приняли — глядишь, и кормили бы получше. А эта начиталась книжек у волонтеров в школе, разум-то и помутился. В первый же день разбила кружку о голову Хромого Хуана. Его отец так взъярился, что нацепил на неё собачью цепь и запер в овчарне.

— И что потом?

— Потом сбежала. Прибежала в деревню, при всём народе кричала, что Хуаны её как собаку в овчарне держали, что все её там пользовали, что она и сама не знает, от кого понесла... В общем, несла всякое, складно так.

— А дальше?

— Дальше? — женщина посмотрела на него как на дурачка. — Известно что: Старейшина Ли её связал и лично обратно Хуанам отвёз.

Она говорила об этом так обыденно, будто речь шла о возврате бракованного товара. Ванчуань невольно сжал кулаки. Будь на его месте кто-то менее привлекательный, она бы уже давно обсмеяла его за «излишнюю нежность».

— Ну и конец истории ты сам видел. Сегодня утром она снова сбежала. Надела красное платье и напрямик к нашей деревне — повесилась на той кривой иве у въезда. И чего добилась? Думала, мы тут все виноваты, что ли? Отец её теперь и в дом-то пускать не хочет, позором считает. Вон, торопятся зарыть поскорее, чтоб глаза не мозолила...

Женщина продолжала что-то ворчать, презрительно усмехаясь, и даже не заметила, как побелели костяшки на руках стоящего перед ней Цзун Ванчуаня.

<http://bllate.org/book/17576/1712855>